

© 2010 г. М.В. Кирчанов

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАДИКАЛИЗАЦИИ
ГРУЗИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА
(НАЧАЛО 1990-Х – СЕРЕДИНА 2000-Х ГГ.)**

Анализируются основные проблемы развития грузинского национализма в нестабильном обществе. Политический транзит и попытки демократизации оказали значительное влияние на грузинский национализм. Процессы постепенной этнизации и радикализации национализма начались в 1990-е гг. Интеллектуалы играли ведущую роль в развитии националистической идеологии. Грузинские националисты активно конструировали образ врага, используя осетинские и абхазские нарративы.

Ключевые слова: грузинский национализм, идентичность, интеллектуальное сообщество, националистическое воображение, концепты Другого.

В условиях восстановленной политической независимости и демократического транзита в 1990-е гг., периода, по словам белорусского политолога Микалая Сяменава (Николая Семенова), «завершения советского» [1], роль политических трендов в рамках грузинского националистического дискурса постепенно сокращается, а сам национализм становится более радикальным и этническим, конструируется образ врага, связанный с межэтническими и политическими конфликтами [2], порожденными как сепаратистскими режимами в Абхазии и Южной Осетии, так и националистическими амбициями грузинских элит. В отличие от других европейских национализмов грузинский национализм практически не получил изучения в отечественной исторической и политической науки. Между тем проблематика, связанная с историей и современными трансформациями национализма в Грузии, относится к числу актуальных в силу сложных отношений между РФ и Грузией, вызванных военным конфликтом августа 2008 г. Сохранение напряженности в российско-грузинских отношениях, отсутствие дипломатических отношений, взаимные обвинения придают особую актуальность изучению грузинского национализма как одного из важнейших факторов в общественно-политиче-

ской жизни современной Грузии. Не менее актуальным является изучение и исторических предпосылок современной ситуации, то есть истории грузинского национализма в 1990-е гг.

Этнический национализм, начиная с конца 1980-х гг., определял развитие грузинского националистического дискурса в целом. Функционирование этнических трендов было связано с развитием т.н. «осетинских» и «абхазских» нарративов, призванных описать антигрузинские политические тактики и стратегии, якобы изначально характерные для осетин и абхазов [3]. Ранний этап развития грузинского национализма в независимой Грузии отмечен мощными тенденциями этнизации и радикализации. Это характерно, в частности, для периода правления первого грузинского президента Звиада Гамсахурдиа. Национализация политического пространства была проявлением постепенной, но не всегда последовательной, десоветизации. Для политического языка первого лидера независимой Грузии был характерен мощный националистический сентимент, направленный в первую очередь против негрузин, на статус которых претендовали абхазы и осетины. Грузинский политолог А. Русецкий определяет подобную политическую стратегию правящих элит ранней независимой Грузии как «политический экстремизм» [4]. Гамсахурдиа в принципе не ставил под сомнение право осетин и абхазов на наличие собственной идентичности, языка и культуры при условии полной лояльности независимой Грузии. Лидеры Южной Осетии и Абхазии, осетинские и абхазские этнические радикалы со сценарием, предложенным Тбилиси не согласились, предпочтя начать борьбу за достижение полной политической независимости.

На этапе правления З. Гамсахурдиа грузинский национализм подвергся столь глубокой радикализации и этнизации, вызванной внешними вызовами, что оказался втянут в конфликт с сепаратистскими движениями в Абхазии и Южной Осетии. В такой ситуации оказалась разорванная традиция грузинского национализма. Разрыв проявился не только в радикализации и последовательной этнизации грузинского националистического дискурса, но и в том, что наметились тенденции к разрыву между радикальными националистами, которые составили основу правящей элиты, и грузинской интеллигенцией. Особенность ситуации состояла в том, что и элиты, и интеллигенты полагали именно себя в качестве носителей и теоретиков, как им казалось,

«правильного» грузинского национализма. Комментируя метаморфозы радикализации и перерождения политического национализма в этнический радикализм, грузинский политолог Гиа Нодиа указывает, что «период национально-освободительного движения с его кульминацией в закончившемся крахом правления Гамсахурдиа обнажил глубокий разрыв между идеальным самоопределением нации, сложившимся в период, когда Грузия была лишена политической независимости, и теми видами поведения, к которым реальные грузины оказались готовы или не готовы» [5].

В результате этнических конфликтов официальный Тбилиси утратил контроль над бывшими автономиями, а президент З. Гамсахурдиа оказался не в состоянии контролировать нестабильное политическое поле в Грузии. В период правления З. Гамсахурдиа правящие элиты предприняли попытку соединить политический (государственный) и националистический дискурс, возведя национализм в ранг государственной доктрины. Режим Э. Шеварднадзе, пришедший на смену З. Гамсахурдиа, столь значительных националистических амбиций не проявлял. Эдуард Шеварднадзе, хотя и был этническим грузином, тем не менее, он являлся и выходцем из союзного высшего партийного руководства. Политический режим Э. Шеварднадзе достаточно быстро проявил тенденции к авторитаризации. Вероятно, именно в силу этого сочетания обстоятельств политические элиты, пришедшие вместе с Э. Шеварднадзе, интересовали политические ресурсы Грузии и связанная с ними экономика, но не грузинский национализм. В исследовательской литературе предложено несколько интерпретаций подобной политики режима Э. Шеварднадзе. Барбара Кристоф полагает, что новые грузинские националисты, которые сменили З. Гамсахурдиа, были более умеренны и не смогли заменить глубоко укоренившуюся и унаследованную от советского периода систему протекций и неформальных связей государственной бюрократией [6].

Немецкий политолог Йохан Гальтунг, комментируя грузинскую политическую и территориальную специфику, указывал на то, что «Кавказ не является единственным местом, где народы внутри государств располагаются не в точности с их географическим пространством, а как нации, находящиеся внутри наций, находящиеся внутри наций, в стиле матрешек/китайских коробочек» [7]. Несколько расширяя это предположение Кр. Цюрхер полагает, что «в Грузии националистический подъем, приведший к власти Гамсахурдиа,

вписался глубоко укоренившуюся структуру, которая продолжала контролировать распределение ресурсов» [8]. В этой ситуации грузинский национализм негласно был отдан представителям формировавшегося гражданского общества – гуманитарной интеллигенции, представители которой, действуя в рамках интеллектуального поля, на протяжении 1990-х гг. стали основными теоретиками и идеологами грузинского национализма. В грузинской научной литературе, с другой стороны, высказываются сомнения относительно завершенности формирования интеллектуального пространства в Грузии. В частности, Дато Барбакадзе полагает, что в Грузии «имеет место пред-интеллектуальное пространство» [9].

Политические трансформации в Грузии, демократизация в значительной степени способствовали и переменам среди грузинских интеллектуалов [10], которые в советский период выступали в качестве основных теоретиков грузинского национализма, защитников грузинского языка и идентичности. Грузинские исследователи полагают, что у «старых» и «новых» различный дискурс, и они едва в состоянии понимать друг друга. Если «старые» сосредоточены в пост-советских институциях (АН, НИИ, университеты), то «новые» – в различных западных фондах, неправительственных организациях [11]. Если для первых языком общения с зарубежными коллегами является, как правило, русский и в меньшей степени – немецкий, то для вторых – английский. Несмотря на столь значительные различия национализации подверглись как «новые», так и «старые» представители грузинского интеллектуального сообщества. Именно грузинский национализм, этнический (в меньшей степени) и политический гражданский (в большей) стал основным средством формирования нового интеллектуального и политического пространства, консолидации грузинского интеллектуального сообщества.

Среди сторонников этнизированного национализма оказалось немало представителей грузинского интеллектуального сообщества, в частности – известный грузинский историк Э. Хоштария-Броссе. Национализм Э. Хоштария-Броссе изначально имел чисто политический и гражданский бэк-граунд, являясь попыткой грузинского интеллектуала заявить о том, что территориальная целостность Грузии подвергается угрозе со стороны радикальных представителей этнических меньшинств. Тексты Э. Хоштария-Броссе демонстрируют грузиноцентричный вариант интерпретации прошлого, а так же

функционирования исторической и политической памяти, призванной стимулировать формирование националистического дискурса в Грузии. Российский исследователь И. Тимофеев, комментируя роль националистического фактора в современных политических процессах, констатирует, что «одна из ключевых черт современного национального государства – тяготение к унификации многообразных идентичностей (сословных, групповых, корпоративных, религиозных, этнических, региональных) в единую политическую идентичность нации-государства. Иными словами, элиты пытаются «вытолкнуть за рамки» государства оппозицию «мы – они», сплотив нацию в коллективное «мы»» [12].

О наличии мощного гражданского и политического тренда в грузинском национализме в версии Э. Хоштария-Броссе свидетельствует его убежденность в том, что независимая Грузия должна строиться в первую очередь как открытое гражданское общество, в рамках которого гарантировались бы права национальных меньшинств [13]. Но и в этой ситуации основная критика грузинского национализма была направлена против тех автономий, которые существовали на территории Грузинской ССР. Э. Хоштария-Броссе полагал, что усилиями абхазских и осетинских радикалов намеренно конструируется и популяризируется крайне негативный образ Грузии как «монстра, поглощающего национальные меньшинства» [14]. По мнению грузинского интеллектуала, абхазские и осетинские радикалы сознательно культивируют антигрузинские настроения, забывая о том, что на территории автономий к началу 1990-х гг. существовали условия для всестороннего развития осетин [13], а в Абхазии – начальное, среднее и высшее образование на абхазском языке, действовал абхазоязычный театр и телевидение, а так же свои исследовательские институты, которые обслуживали абхазский национализм [14], прибегая к «грубому искажению исторических фактов, усугубляя противоречия и приводя к этническим конфликтам» [15]. По мнению части грузинских исследователей, СССР было тем государством, «где не признавалось гражданство союзных республик, формально считавшихся “суверенными государствами” и люди в них различались по национальности, отмечаемой во внутреннем паспорте» [16]. Э. Хоштария-Броссе культивировал нарратив о том, что в результате развития националистического движения в Абхазии местное гру-

зинское население подвергалось преследованиям и дискриминировалось со стороны абхазского меньшинства [17].

Комментируя злоключения грузин в поздней советской Абхазии Э. Хоштария-Броссе писал, что сторонники абхазского этнического национализма и радикалы «создали для грузин унижительные условия жизни и работы... в государственных учреждениях грузинский язык игнорировался... грузинская группа была выгнана из здания театра... грузинский сектор Абхазского университета из-за дискриминационных условий был вынужден выделиться в качестве филиала Тбилисского университета» [18]. Именно поэтому в начале 1990-х гг. в центре критики грузинского интеллектуала – не осетины и не абхазы, а представители осетинской или абхазской националистически ориентированной интеллигенции. Э. Хоштария-Броссе полагал, что вокруг осетин осетинскими националистами был создан миф о том, что на протяжении истории осетины становились жертвами своих агрессивных соседей, в первую очередь – грузин.

Комментируя те концепции истории осетин, которые предлагались в рамках осетинского политического сообщества, Э. Хоштария-Броссе настаивал, что территория Южной Осетии исторически была грузинской и называлась Шида Картли. Осетины, по мнению представителей грузинского политического сообщества, в этом регионе появились после «вытеснения местного грузинского населения» [13]. Э. Хоштария-Броссе настаивал, что абхазские националисты в исторических исследованиях сознательно культивируют антигрузинские настроения, скрывая при этом факты сотрудничества между абхазскими и грузинскими властями в 1918 – 1919 гг., когда Грузия согласилась взять на себя обязательства и выступить гарантом целостности Абхазии в деле борьбы за возвращение абхазских земель, отторгнутых в 1914 г. и присоединенных к Черноморской губернии [15]. С другой стороны, грузинские интеллектуалы настаивали на том, что поддержка осетин со стороны Москвы является расплатой за то, что осетины в период существования СССР выступали против отделения Грузинской ССР, а после того как отделение стало неизбежно смогли отторгнуть часть грузинской территории [19].

Э. Хоштария-Броссе полагал, что абхазское националистическое движение в начале 1990-х гг. контролировалось политическим союзным центром, а основной целью абхазского национализма, по мнению грузинского интел-

лектуала, было сворачивание перестройки и возвращение к однопартийной системе. Аналогичную концепцию предлагали грузинские интеллектуалы в отношении осетин. Анализируя «антиконституционные действия осетинских сепаратистов и экстремистов» [20], которые руководствуются «укононационалистическими амбициозными устремлениями» [21], они полагали, что руководство Осетии проводило политику, направленную на сознательное вытеснение грузинского населения и культивирование антигрузинского национализма. Таким образом, в рамках грузинского националистического дискурса, который на фоне политической нестабильности и фактической потери контроля над мятежными автономиями впадает в состояние кризиса [22], создавался и культивировался крайне неаттрактивный образ абхазских элит, а сам абхазский национализм начинал осознаваться как направляемый и руководимый Москвой антигрузинский проект, реализуемый «при попустительстве со стороны центра и подстрекательстве по отношению к сепаратистским силам» [15]. Э. Хоштария-Броссе и другие представители политического сообщества в ранней независимой Грузии полагали, что на территории бывших абхазской и осетинской автономий установлен неконституционный сепаратистский режим, который проводит политику планомерного вытеснения грузин, а также уничтожения грузинского культурного и политического наследия [13].

Усилиями грузинских национально ориентированных интеллектуалов территория Южной Осетии, которая не контролировалась Тбилиси, превратилась в своеобразное место политической, социальной, культурной и исторической памяти, с которым связан грузинский политический опыт XX века. Грузинская перцепция осетинской проблемы в синтезированном виде представлена в издании сборника статей известного грузинского историка Роланда Топчишвили 2006 г., которое было подготовлено Институтом истории и этнологии им. И. Джавахишвили НАН Грузии. Согласно грузинскому политическому нарративу, Южная Осетия – исторически грузинские территории, отторгнутые от Грузии осетинами при попустительстве России. Комментируя сложные отношения между грузинами и осетинами, Р. Топчишвили писал, что «к великому сожалению, в благодарность за гостеприимство, осетины начали присваивать исконно грузинские земли. Искусственно создан-

ная в годы советской власти т.н. Юго-Осетинская область и прилегающие к ней земли были объявлены древней осетинской территорией» [23].

Полемизируя с осетинскими радикалами, грузинские авторы, используя преимущественно националистическую риторику, построенную на интеграции Осетии в грузинский исторический и политический контекст, в значительной степени способствуют большему обострению конфликта, указывая на то, что «тезис о древнейшем местожительстве осетин на территории Грузии лишен всякого основания. Ни один исторический источник, документ или археологический материал не свидетельствует о миграции и оседлости осетин в Грузию в различный период до н.э., также в IV в. н.э. Вследствие нашествия гуннов не последовало поселение алан-осетин в Грузию. В указанный период аланы-осетины мигрировали из степей Придонья и Приазовья, сравнительно южнее, в предгорные степи Северного Кавказа» [24]. В этом контексте основные противоречия между грузинскими и осетинскими националистами и интеллектуалами развиваются не вокруг вопроса о наличии осетин на грузинских исторических территориях: грузинские авторы, как правило, признают (но с определенными оговорками [25]), что процесс переселения осетин на грузинские земли был длительным и, что осетины не составляли подавляющего большинства в районах со смешанным населением. Основная проблема, связанная с осетинами, в грузинском националистическом дискурсе в условиях политического транзита – это проблема политической лояльности осетин независимой Грузии и, как следствие, легитимности (точнее – нелегитимности) существования в советский период осетинской автономии.

Подобная схема истории мятежных регионов пользовалась значительной популярностью в Грузии периода правления Э. Шеварднадзе. Будучи не в состоянии что-либо реально изменить, являясь гражданами нестабильного государства со слабым политически и политически непредсказуемым режимом, грузинские интеллектуалы были вынуждены довольствоваться почти исключительно развитием и культивированием националистического воображения, националистической мифологией и формированием образов «чужих». Политические перемены 2003 г. не внесли в этот концепт радикальных изменений, лишь способствуя его большей интеграции в дискурс грузинского политического и этнического национализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзсаветызацყა – მაგყმაცყი ი კანცეპტუალყნყ რამკი. დყსკუსყა «პალიყყნყ სფერყ» // პალიყყნყ სფერა. 2007. № 9.
2. Horowitz Sh. Explaining Post-Soviet Ethnic Conflicts: Using Regime Type to Discern the Impact of Objective Antecedents / Sh. Horowitz // NP. 2001. Vol. 29. No 4.
3. მარყამ ლორთყყფანოდყ აგყბაზები და აგყბაზეთი გამომცემლობა. – თბილისი, 1990.
4. *Русецкий А.* Проблемы современной политической географии в контексте безопасности лимитрофных стран (на примере Грузии). 2007. Т. 7. № 1.
5. *Нодиа Г.* Образ Запада в грузинском сознании // Этнические и региональные конфликты в Евразии. М., 1997. Кн. 3. Международный опыт разрешения этнических конфликтов.
6. *Christophe B.* Bringing Culture Back into a Concept of Rationality: State-Society Relations and Conflict in Post-Socialist Transcaucasia // Potentials of Dis-Order: Explaining Conflict and Stability in the Caucasus and in the Former Yugoslavia. Manchester, 2003.
7. *Гальтунг Й.* Некоторые наблюдения на Кавказе // КРИ. 1997. Т. 2. № 1 // <http://poli.vub.ac.be/publi/crs/rus/R02-001.html>
8. *Цюрхер Кр.* Грузия: время бедствий (1989 – 1993 гг.)
9. *Барбакадзе Д.* Что-то среднее между «ничто» и «нечто»: наблюдения грузинского писателя // НЗ. 2003. № 1.
10. *Шатиришвили З.* «Старая» интеллигенция и «новые» интеллектуалы. Грузинский опыт // НЗ. 2003. № 1.
11. *Тимофеев И.* Проблемы страновой идентичности в зарубежной политологии // <http://www.intertrends.ru/thirteen/007.htm>
12. *Хоштария-Броссе Э.В.* Кавказское единство – мнимое и реальное // Межнациональные отношения в Грузии – причины конфликтов и пути их преодоления. Тбилиси, 1993.

13. *Хоштария-Броссе Э.* Документы свидетельствуют // Межнациональные отношения в Грузии – причины конфликтов и пути их преодоления. Тбилиси, 1993.
14. *Хоштария-Броссе Э.* Быть ли такому союзному договору? // Межнациональные отношения в Грузии – причины конфликтов и пути их преодоления. Тбилиси, 1993.
15. *Хоштария-Броссе Э.* Архивные материалы проливают свет на «белые пятна» истории.
16. *Гачечиладзе Р.* Становление новой Грузии: плюсы и минусы географических факторов // КРИ. 1997. Т. 3. № 1 // http://poli.vub.ac.be/publi/crs/rus/03_03R.htm
17. *Нодиа Г.* Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Грузины и абхазы. Путь к примирению. М., 1998.
18. *Хоштария-Броссе Э.* К событиям в Абхазии // Межнациональные отношения в Грузии – причины конфликтов и пути их преодоления. Тбилиси, 1993.
19. *Хоштария-Броссе Э.* Несколько вопросов главным редакторам «Независимой газеты», «Московских новостей», «Аргументов и фактов», «Известий» и «Правды» // Межнациональные отношения в Грузии – причины конфликтов и пути их преодоления. Тбилиси, 1993.
20. *Хоштария-Броссе Э.* Пора вспомнить об истине // Независимая Грузия. 1991. 2 октября.
21. *Хоштария-Броссе Э.* Пора посмотреть правде в глаза. Письмо авторам и вдохновителям осуществления сценария этнокризиса в Южной Осетии // Межнациональные отношения в Грузии – причины конфликтов и пути их преодоления. Тбилиси, 1993.
22. *Nodia G.* The Weak State Syndrome and Corruption // International IDEA. Building Democracy in Georgia. Discussion Paper 5: Power Structures, the Weak State Syndrome and Corruption in Georgia. May 2003.
23. *Топчшвили Р.* Грузино-осетинские этноисторические очерки. Тбилиси, 2006.

24. *Топчишвили Р.* Вопросы переселения в Грузию осетин и этноистории Шиды Картли (основные выводы). // Топчишвили Р. Грузино-осетинские этноисторические очерки. Тбилиси, 2006.
25. *Апхазава Н.* Культурно-исторические процессы в северо-западной части Шиды Картли с древнейших времен до позднего средневековья // Осетинский вопрос. Тбилиси, 1994.

***Воронежский
государственный университет***

14 декабря 2010 г.
